

Чернякова Наталия Степановна

ОБЫДЕННОЕ И МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ КАК ФОРМЫ ПРАКТИЧЕСКИ-ДУХОВНОГО ОСВОЕНИЯ МИРА

Обыденное и мифологическое познание рассматриваются в статье как источники всех последующих видов познания, которые воплощают в себе противоречие между необходимостью непрерывного удостоверения истинности идеальных образов сознания в предметно-практической деятельности, с одной стороны, и стремлением познающего субъекта к выходу за пределы повседневного опыта, к воспроизведению мира в его целостности - с другой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/7-1/58.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(69): в 2-х ч. Ч. 1. С. 205-208. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 165.19

Философские науки

Обыденное и мифологическое познание рассматриваются в статье как источники всех последующих видов познания, которые воплощают в себе противоречие между необходимостью непрерывного удостоверения истинности идеальных образов сознания в предметно-практической деятельности, с одной стороны, и стремлением познающего субъекта к выходу за пределы повседневного опыта, к воспроизведению мира в его целостности – с другой.

Ключевые слова и фразы: познание; обыденное познание; мифологическое познание; предметно-практическая деятельность; наука; философия.

Чернякова Наталия Степановна, д. филос. н., профессор

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

Cherns2011@yandex.ru

ОБЫДЕННОЕ И МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ КАК ФОРМЫ ПРАКТИЧЕСКИ-ДУХОВНОГО ОСВОЕНИЯ МИРА

Познавательная деятельность как специфическая форма взаимосвязи субъекта (сознающего-себя-бытия) с объектом (в пределе – с Бытием в целом) выражает сущность сознания и неотделима от функционирования последнего. Любая разновидность человеческой сознательной деятельности включает в себя элементы деятельности познавательной, несущей определенную информацию о реальности.

Обыденное и мифологическое познание, будучи практически-духовными формами освоения мира [5], воплощают в себе исторически первичную форму данности важнейшего противоречия познания и всей духовной деятельности человека, а именно: противоречия между бесконечным стремлением познающего субъекта к выходу за пределы обыденного опыта, к пониманию мира в его целостности и всеобщности, с одной стороны, и необходимостью непрерывного удостоверения истинности идеальных образов сознания в предметно-практической деятельности – с другой.

Обыденное и мифологическое познание являются источниками всех последующих видов познания, фундаментальное различие между которыми сводится в конечном счете к вопросу о том, возможно ли удостоверение истинности возникающих в этих видах познания результатов в границах предметно-практической деятельности человека.

Если возможно, то мы получаем обыденное и научное познание.

Если невозможно, то речь идет о мифологическом, философском, религиозном и художественном познании.

То, что принято называть «обыденным познанием», осуществляется всеми людьми на протяжении всей истории существования человечества в процессе повседневной деятельности (хозяйственной, семейно-бытовой, коммуникативной), связанной с удовлетворением насущных материальных и духовных потребностей и продолжением рода. Для получения, хранения и эффективного использования обыденного знания не существует универсальных средств, не требуется специальной подготовки и специальных средств и методов познания. Необходимым и достаточным условием осуществления обыденного познания является сама социокультурная жизнедеятельность человека, требующая от него навыков предметно-преобразующей деятельности для адаптации к природным и социокультурным условиям и знания норм взаимодействия с другими людьми.

Объекты обыденного познания никогда не выходят за границы реально осуществляемой жизнедеятельности субъекта культуры, а потому полученные знания всегда могут быть практически проверены. Повседневная предметно-практическая деятельность дает возможность субъекту познания действовать методом «проб и ошибок», поскольку и то, что он «пробует», и то, в чем он ошибается, не выходит за пределы «подручного» мира. Только в «подручном» мире субъект познания может сверять содержание своих суждений с объектами: рисунок местности – с самой местностью, следы на земле – с образом животных или людей, которые могли их оставить, схему радиоприемника – с самим радиоприемником, фотографию – с находящимся перед ним или вспоминаемым человеком и т.д. Именно благодаря этой особенности обыденного познания человек способен адаптироваться к исключительно разнообразным природным условиям и вырабатывать эффективные способы взаимодействия людей друг с другом.

Поскольку объекты обыденного познания определяются процессом повседневного материального и духовного освоения природной и социокультурной среды обитания человека, результатом обыденного познания является знание лишь отдельных, специфических, единичных сторон и свойств действительности, которое не обладает общезначимостью. То, что необходимо знать одному субъекту культуры, скажем – земледельцу, не представляет интереса для другого субъекта культуры – ремесленника, так как природные и социокультурные миры каждого из них могут существенно отличаться друг от друга.

Обыденное знание не обладает интересубъективностью, передается исключительно в процессе непосредственного общения людей друг с другом и существует в форме разнообразных суждений здравого смысла, истинность которых находит непосредственную практическую проверку не только в опыте поколений,

но и в индивидуальном опыте каждого человека. Ни одна другая форма познания не обладает такой степенью достоверности, как обыденное познание. В бесчисленном количестве случаев повседневного взаимодействия человека с окружающим миром вопрос об истинности суждений вообще не возникает. Находясь в непосредственном предметно-практическом контакте с реальностью, субъект познания чувствует себя в пределах уже познанного, известного, не вызывающего сомнений мира.

В сознании не только обывателей, но и ученых достаточно широко распространено мнение о том, что в «донаучный период» развития познания преобладали ложные представления с «элементами истины», а в период развития науки преобладают истинные представления с некоторыми «элементами заблуждений», которые, впрочем, «качественно выше» заблуждений предшествующих эпох [2, с. 121-129]. Даже те исследователи, которые пишут о бледности и близорукости европейской веры в то, что дикари строили свою жизнь на основе ложных представлений, решительно не могут сделать, казалось бы, вполне логичный вывод об истинности хотя бы некоторых из этих представлений. Напротив, они утверждают, что бессмысленно подходить с оценкой истинности к «сильно отличающимся от привычных нам форм жизни и социальной организации», а для того, чтобы «реабилитировать» в глазах современных людей наших первобытных предков, предлагают считать, что все люди «могут регулярно достигать своих целей, даже если они не руководствуются никакими истинными доктринами относительно устройства реальности» [3, с. 156].

Между тем воззрения первобытных людей не только подлежат истинностной оценке, но и вполне такую оценку выдерживают, поскольку соотношение истинного и ложного в этих воззрениях обусловлено конкретно-историческим уровнем развития практической деятельности человека, а в границах этой обусловленности данное соотношение остается инвариантным на протяжении всей истории человечества.

Речь идет, разумеется, не о том, что современный человек знает то же самое, что и первобытный человек, или что объем знаний вообще не увеличивается, а о том, что субъект любой культуры знает именно то, что входит в круг его жизнедеятельности и познание чего обеспечивает ему возможность существования в качестве субъекта этой – человеческой – жизнедеятельности. Нет никаких оснований предполагать, что лишь некоторые этапы или разновидности человеческой деятельности обуславливают «преимущественно истинное» познание реальности, в то время как другие – «преимущественно ложное». Напротив, практическая деятельность человека детерминирует единый процесс осознания одних результатов познания как истинных, а других – как ложных и обуславливает гносеологическую однородность тех форм отражения действительности, которыми человек оперирует в различных сферах своей деятельности. Тот факт, что первобытный человек выжил, сумев эффективно приспособиться к различным, но одинаково суровым по отношению к формирующемуся человеческому обществу условиям природной среды, свидетельствует о том, что первобытный человек обладал в принципе адекватным образом окружающего мира. В границах среды своего обитания, в пределах предметно-практического освоения мира, в рамках привычных занятий, умений и навыков первобытный человек чувствует себя не менее уверенно, чем человек любой другой эпохи чувствует себя в тех же границах и рамках [4].

Однако обыденное познание имеет два принципиальных ограничения: во-первых, оно не способно проникнуть в сущность и открыть закономерности явлений реальности, и во-вторых, оно не способно создать целостную картину мира. Для снятия обоих ограничений необходимо выйти за пределы обыденного освоения мира и обратиться к исследованию тех сторон реальности, которые не могут быть познаны в процессе повседневной жизнедеятельности. Первое ограничение преодолевает наука, второе – мифология, философия, религия и искусство.

Подобно обыденному познанию, наука опирается на предметно-практическое взаимодействие с изучаемым объектом. Однако в противоположность обыденному познанию наука с момента первых целенаправленных наблюдений за астрономическими объектами и явлениями окружающей природы и до сегодняшних сверхсложных экспериментов непрерывно двигалась по пути создания собственной – специально-научной – основы своего существования и развития. Предметно-практическое взаимодействие с изучаемым объектом в процессе контролируемого наблюдения и эксперимента стало не просто одним из методов, но выражением самой сущности научного способа познания, которое направлено на изучение естественно-исторических процессов, протекающих помимо воли и сознания человека как субъекта истории. Именно *специальная предметно-практическая деятельность* – эксперимент и наблюдение – позволяет науке формировать эмпирический базис, содержание которого может быть интерпретировано независимо от принятых гипотез. И только на основе собственного эмпирического базиса наука создает теоретическую модель изучаемого объекта, которая раскрывает его сущность на уровне количественных законов, дающих возможность предсказывать новую эмпирию.

Однако ни обыденное познание, ни наука не могут воспроизвести мир в его целостности и всеобщности. Откуда взялось и что представляет собой все то, что окружает человека в его повседневной жизни, превосходя ее по масштабам: земля и небо, светила и звезды, реки и моря, леса и горы, животные и растения, наконец – человеческий род? И тысячи лет тому назад, и сегодня мы не можем ответить на эти вопросы, не принося в образ мира то, чего в нем самом, возможно, нет и что, в любом случае, является продуктом познавательной и смыслотворческой деятельности человека.

Своеобразие мифа как формы знания о мире состоит в том, что это есть исторически первая попытка человека выйти за пределы того, что может быть непосредственно подтверждено или опровергнуто повседневной практикой. Познавать мир мифологически – значит создавать картину целостного Мира, Космоса, Вселенной, опираясь только и исключительно на ограниченный опыт повседневного бытия, но пытаясь при этом осмыслить то, что в этом опыте не дано.

Стремление познать мир как целое, найти причины существования вещей и обрести твердые основы собственного существования в вечных и устойчивых началах бытия имманентно самой природе человеческого духа и не является специфической особенностью лишь древнейших типов культуры. Напротив, всякая деятельность духовного осмысления Мира в целом оказывается по существу мифологической, ибо творит осмысленный образ этого Мира, соответствующий социокультурным особенностям и условиям жизнедеятельности человека.

Миф рождается из глубины человеческого существования, его нельзя «сочинить», под него нельзя «подделаться», им можно только жить, поскольку он сам есть неотъемлемая часть человеческой жизни. Дух живет в сфере мифов, создаваемых им самим. И главным среди них является миф о смысле человеческого существования, образующий фундамент всей духовной культуры человечества. В той же мере, в какой культура может рассматриваться как полагание смысла, она может рассматриваться и как мифотворчество, ибо каждый субъект культуры творит свой собственный миф о смысле существования человека, имеющий собственное внутреннее обоснование и равное со всеми другими и всеми возможными мифами право на репрезентацию этого смысла. Способ мифотворчества оказывается всего лишь оборотной стороной способа смыслополагания, характеризующего данную культуру.

Мифотворчество как существенную черту любой духовной деятельности необходимо отличать от культурно-исторических форм мифотворчества, которые обеспечивают духовную защищенность человека различными средствами и способами. Непосредственная, нерелефлируемая неразличенность объективного и субъективного характеризует лишь исторически первичную форму мифотворчества, присущую первобытной культуре. Но та или иная степень неразличенности объективного и субъективного как характерная черта мифа обнаруживается во всех продуктах духовной деятельности и является глубинной основой синкретизма феноменов духовной культуры.

Человеческие желания онтологизируют любую иллюзию, и в той мере, в какой эта иллюзия удовлетворяет некоторую человеческую потребность, она становится для сознающего-себя-бытия наиреальнейшей из реальностей. Применительно к первобытной культуре это означает, что создаваемая в процессе мифологического познания картина мира воспринимается самим субъектом первобытной культуры – первобытной общиной – как такая же реальность, как и природный мир. Мифологический мир – это мир познанный, «родной», знакомый, обжитой, даже если этот мир населен существами, враждебными по отношению к человеку. С гносеологической точки зрения степень недостоверности первобытной мифологии определяется, с одной стороны, масштабом выхода субъекта познания за границы предметно-практического контакта с изучаемым объектом – Миром как единством природы и общества, а с другой – потребностями формирующегося и развивающегося духовного мира [1].

Философское познание наследует от мифологического стремление познать всеобщее, практически недостижимое, выходящее за пределы единичного, частичного, субъективного опыта познающего субъекта. Однако, в отличие от мифологического познания, философское опирается не на опыт предшественников, не на мнение большинства, не на древнюю традицию, а на самостоятельное рассуждение, на мудрость и пронизательность тех, кто способен не только сформулировать вопросы, выходящие за рамки здравого смысла, но и, презрев досужие мнения, посвятив свою жизнь получению ответов на эти вопросы. Думать, рассуждать, сопоставлять точки зрения, не признавать истинность никаких мнений, отвергающих проверку вопрошанием и рассуждением, – вот к чему призывает философ, для которого установление истинности мысли неразрывно связано с обоснованием.

Специфической функцией философии становится рефлексивное отношение ко всем элементам социокультурной деятельности человека. Но может ли философ подвергнуть критическому рассмотрению исходные посылы своего собственного рассуждения? Кто и как может проверить, удостоверить истинность исходных посылок философского рассуждения? Ведь эти посылки содержат утверждения о началах бытия, о субстанции, о том, что лежит в основе всего существующего. А это значит, что степень достоверности этих посылок ничем не отличается от достоверности мифологических рассказов, в достоверности которых здравый смысл не считает нужным сомневаться не только потому, что «это не принято», но и потому, что это бесполезно.

Несмотря на то, что каждое философское учение создает картину мира, которая никогда не будет более обоснованной, чем любая другая, философия всегда претендовала и всегда будет претендовать на роль одной из форм именно познания мира, а не только его духовного конструирования. А это значит, что философия вытесняет собою только исторически первичную форму мифологии, но не мифологичность как неотъемлемую черту всей духовной деятельности субъекта культуры.

Практически-духовное освоение мира человеком всегда будет противоречивым единством повседневного практического взаимодействия с реальностью и вместе с тем непреодолимым стремлением человека к выходу за пределы наличного бытия и предметно-практического опыта с целью постижения Мира и Человека в их целостности и всеобщности.

Список литературы

1. **Голосовкер Я. Э.** Логика мифа. М.: Главная редакция восточной литературы Изд-ва «Наука», 1987. 218 с.
2. **Заботин П. С.** Преодоление заблуждения в научном познании. М.: Мысль, 1979. 191 с.
3. **Касавин И. Т., Сокулер З. А.** Рациональность в познании и практике: критический очерк. М.: Наука, 1989. 192 с.
4. **Кликс Ф.** Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта / пер. с нем. М.: Прогресс, 1983. 302 с.
5. **Федотова В. Г.** Практическое и духовное освоение действительности. М.: Наука, 1992. 136 с.

TRIVIAL AND MYTHOLOGICAL COGNITIONS AS FORMS OF PRACTICAL AND SPIRITUAL MASTERING OF THE WORLD

Chernyakova Nataliya Stepanovna, Doctor in Philosophy, Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia
Cherns2011@yandex.ru

Trivial and mythological cognitions are considered in the article as sources of all the subsequent forms of cognition, which embody contradiction between the necessity of the continuous identification of the truth of the ideal images of consciousness in material and practical reality, on the one hand, and the aspiration of the cognizing subject for going out of everyday experience, for the reproduction of the world in its integrity – on the other hand.

Key words and phrases: cognition; trivial cognition; mythological cognition; material and practical activity; science; philosophy.

УДК 316.75

Философские науки

В статье предпринимается попытка раскрыть механизм гендерного самоопределения индивида в условиях господства как патриархальной картины мира, так и трансформации современной культуры. Социокультурные, социально-экономические и социально-политические процессы, происходящие в обществе, выступают детерминирующими факторами системы ценностей современного человека, что значительно образом сказывается на процессе и результате гендерного самоопределения.

Ключевые слова и фразы: гендерное самоопределение; гендерная ментальность; картина мира; патриархат; насилие.

Чуркина Наталия Анатольевна, к. филос. н., доцент
Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет
NB1468@ngs.ru

ГЕНДЕРНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Гендерное самоопределение человека представляет собой амбивалентный феномен (процесс и результат), в рамках которого осуществляется формирование определенной стратегии поведения человека в соответствии с маскулинными, феминными или андрогинными образами, принятыми человеком в качестве своего идентификационного основания.

В процессе гендерного самоопределения важную роль играют элементы структуры гендерной ментальности – архетипы, ценности, стереотипы, нормы, идеалы, символы и пр. В результате складываются ориентиры, позволяющие индивиду определять стратегию своего поведения, осмысливать свой стиль жизни с точки зрения маскулинной или феминной идентичности, выстраивать отношения с представителями как своего, так и противоположного пола.

Формируемое гендерной ментальностью единство взглядов позволяет консолидировать общность и способствует адаптации человека на основе единой системы ценностей. Совокупность ценностей, стереотипов, смыслов, объединяющих индивидов, составляет образ окружающей действительности, образ мира.

Самоопределение, с точки зрения пола, предполагает формирование в первую очередь образа окружающего мира, в который индивид интегрирован и который представляется ему привычным и понятным.

Образ мира содержит представления о гендерной стратификации, гендерных группах, существующих в обществе, системе гендерных ролей и ценностей, определяющих особенности маскулинности и феминности. Подобные представления складываются в некую устойчивую систему и формируют определенное мировоззренческое единство членов той или иной гендерной общности.

Одним из первых феномен картины мира исследовал М. Хайдеггер, который отмечал, что слово «картина», на первый взгляд, может представляться как изображение чего-то. Однако картина мира несет в себе более глубокий смысл: «мы подразумеваем тут сам мир, его, сущее в целом, как оно является определяющим и обязывающим для нас», – отмечает М. Хайдеггер [5, с. 49].

Это означает, что речь идет о некоей интегральной ментальной модели, включающей в себя базовые представления о мире, которая формируется у человека.

Такая модель является intersubъективной и создается человеком совместно с другими людьми, следовательно, в картине мира представлены коллективные ценности, образы, символы и т.д.

В то же время в картину мира включены и субъективные, выработанные индивидом самостоятельно духовные элементы, которые определяют его мировосприятие и мироощущение и позволяют человеку ориентироваться в окружающей действительности в качестве субъекта.